

Образы святых в медальонах – мандорлах

Выскажемся несколько более подробно о символике мандорлы, столь часто упоминаемой. Мандорла – символическая живописная область, знак – сияние, не существующее само по себе, но содержащее некое изображение внутри этого о-значенного сияния - указывает своим структурированным многоцветием на образ радуги, первого поставленного, воздвигнутого завета между Богом и человеком Ноем... на образ соединения – единства света нетварного с миром сотворённым, на смыслы взаимного проникновения миров видимого и невидимого... активного, энергичного раскрытия, откровения мира невидимого, непостижимого – в мир обыденный, в мир постигаемых символов. Изнутри этого знака, символизирующего саму возможность постижения невидимого, как бы раскрывшуюся завесу сокровенного – раскрывается «содержимое» мандорлы – некий плод невидимый, действие превыше-естественное, мир постигаемый в непостижимости своей... – собственно образ святости, проникающий, словно бы в открывшийся проствет из невидимого – тонкого, духовного пространства. Если символ по определению подобен связующему мосту между мирами, указывает на путь к неведомому, к постижению этого за-предельного, - то символ мандорлы подобен символическому голосу, проявленному встречному отклику, от-зыву на наше воз-глашение... Проявление буквально с той - неведомой нами, отзывчивой к нам стороны. Или же некое знаковое обрамление, указующее на то, что действо, вмещённое внутрь и из-ображённое – проявлено уже внутри мира невидимого и свидетельствует о себе в мир постигаемый из «области за-очной».

Святые в медальонах – мандорлах на северной стене исихастерия

Важно, что образы пророков – святых человек Божиих, прорекающих в этот мир нечто дарованное им, нечто усвоенное их личным существом, - как и образы святых мучеников, пре-подобных Христу подвижников уединённого - монашеского подвига, поводыри зрящие, прозревающие ясно и Бого-словствующие внятно – пишутся мастером Феофаном поясными изображениями - полуфигурами в мандорлах... в медальонах, как это привычно называют исследователи. Правильнее бы, как видится, говорить о мандорлах, проявляющих неизобразимое по существу, - внутри округлых символов открывающегося возвещающего знания. Изображение полуфигуры святого, вписанная внутрь очерченного знака, в отличие от изображения фигуры в полный рост, обретает всё более символическое, несколько отстраняющееся от естественного - значение. Полуфигура восполняется очерчивающим её знаком и произносит в таком восполнении – свидетельство и провозвестие некоей духовной энергии и сущности, исходящих от образа. Тут перед нами не только лик на фоне, очерченном фоне, внутри геометрического знака, но изображение с некоей атрибутикой, символами мученичества или пророчества – исходящее изнутри знака. Этим изображением обозначается, о-значивается некая исходящая сила, энергия из внутренней полноты – стремящаяся излиться вовне, не в силах изъяснить всейполноты, но лишь указать на неизъяснимое. Оглаголенный пророк – так мы читаем об этом образе в Символе веры: в Духа Святаго, глаголавшаго пророки. Пророки, оглаголенные Духом Святым, изводят из себя воспринятого, стяжаемого Духа, пропущенного сквозь личное естество, словно бы через некий по-средничающий духовный орган... буквально – стоящий по середине между воспринимающим предстоящим человеком и Первообразом, изъясняющим себя. В пророке Дух обретает форму, оформляется глаголом и источается к слышанию. Пророк про-рекает, про-возвещает нам слово от переполняющей его от сердечной полноты. Полнотою, насытившей, ис-полнившей сердце про-рока раскрываются его уста и извергается слово... пусть даже и не вполне осмысленное им самим... невместимое и нами, слышащими речение. От полноты, составленной Духом Святым – рекут уста, облакают течение Духа в слова, в воспринимаемый нами словесный образ, знак, в разумную или невнятную, непрístupную для нас и от того – невразумительную нам - последовательность пророческих слов. Смыслы обретутся, быть может, раскроются позже. И не всегда реченное пророчество - ясно окружающим, слышащим не разумея слов. Не всегда пророк будет расслышан, более того, - нет пророков в Отечестве – своём. Вероятно, и не может быть расслышан глас вопиющий в пустыне, - развеивается он меж барханов видимых в дикости песчаной ли, урбанистической... уносится прочь веянием чуждым, несносным и голодным духом... и торжествующе, казалось бы, всемогущим *Zeitgeist* - суховей... А неслышный, не вразумляющий, не разумеемый пророческий глас, запечатлённый в иконе – словно бы замирает перед молящимися, чтобы открыться, внятно излившись во благовремени. Так, если пророк не может быть расслышан своими современниками, то пророчества, замершие в образе, могут обрести воспринимающего их когда – либо в иные времена. Быть может, именно так следует понимать поясной образ, вписанный в мандорлу. Изводится про-речение вглубь храма от полноты личного духовного ведения, усвоенного святым, от полноты воспринятого Духа. В таких же мандорлах – раскрывающихся рупорах, - пишутся Феофаном образы мучеников, являющих уже не слово, свидетельствующее о Христе, но дело, поступок - как факт личного знания, личного – до смерти - свидетельства о Христе. Мученики свидетельствуют о Христе самими собой. Пред-ставляют перед нами и предъ-являют нам самих себя в качестве этого свидетельства, - в этом нет упрёка к миру, нет призыва взойти на крест, если нет

естественных обстоятельств к принятию смерти за своего Бога. Но распознаваем призыв Христов - взять свой крест и следовать за Ним, оставив всё, - призыв к совершенным. Нельзя помышлять, что совершенны собравшиеся в храме, что избраны уже... но призваны к тому, - но могут ли званые вместить этот призыв? Здесь приходской храм, не монашеский, но свидетельства о полноте – врывается внутрь храмового объёма. Свидетельства о возможной близости со Христом Спасителем, близости через полноту Духа Святого, воспринятого в сердце по подобию пророческому, мученическому. Призыв образов изнутри мандорл – к этому уподоблению в святости, не самовольному, не к само-придуманному, - но зов откровенный через образ, к восприятию в самом обыденном, в самом естественном состоянии человеческого естества – зов, привлекающий и вовлекающий, побуждающий через естественный ход событий. Так, как и мученик естественным ходом обстоятельств был приобщён к своему свидетельствованию, истинному до личной смерти, до факта предельного истощания своей человеческой природы. Ведь сколько примеров тому, как мученики совершенно не готовились к своему подвигу, но становились свидетелями как бы случайно, по наитию обстоятельств, по ходу событий, свершающихся у них на глазах, в продолжение и венец внезапных от-кровений их глаз. Так, воспринимает святой Георгий мученические страдания – и уверуют во Христа воины, увидевшие чуждый подвиг, уверяемы смертью ради Христа на их глазах... и сами радостно и решительно - принимают мученические венцы. Итак, мученичество и пророчество – суть явления, изображаемые Феофаном одними и теми же художественными средствами, как явления одного порядка. Раскрывающиеся внутрь храма свидетельства проистекают от несколько различных причин, единых по существу. Свидетельства – от полноты Духа, вселившего Ся в «ны» пророков. Свидетельства - от полноты поступка – дела, к которому сподвигнут человек, свидетель, мученик – непременно под воздействием наития Духа Святого. Свидетельство невербальное, действенное и свидетельство словесное. Всё это – формы святости, проявления действия Духа Святого Божиего. Действенное участие Духа Святого проявляется, о-значивается образами святых в распахнутых мандорлах, образами возможно приближенными к молящемуся люду. Вот такая полнота смыслов видится и намечается нами в сочетании различных чинов святости, написанных схожими изобразительными средствами.